

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Об авторе | Светлана Шнитман-МакМиллин родилась в Ленинграде в 1950 году, но детство провела в Мариуполе, Горках (Беларусь) и Мурманске. Окончила Ленинградский университет, потом работала два года в Эрмитаже. В 1977 году уехала в Швейцарию. Окончила Базельский университет, защитила докторскую диссертацию в Лозаннском. Работала в Лозаннском и Цюрихском университетах. В 1994 году переехала в Лондон. Доцент Высшей школы славяноведения и Восточной Европы Лондонского университета. Автор монографии «Венедикт Ерофеев “Москва—Петушки”, или “The rest is silence” и статей о русской литературе. Работает над монографией о Георгии Владимове.

Светлана Шнитман-МакМиллин

Встречи с Георгием Владимовым

В конце 1982 года в Базель приехал Александр Александрович Зиновьев, автор только что переведенной на немецкий и нашумевшей книги «Зияющие высоты». В большом зале Kunsthalle¹, рядом с веселыми фонтанчиками Жана Тэнгли², была организована презентация книги с последующими ответами автора на вопросы публики. Моя подруга Ирэна Брежна³ переводила на немецкий. Мне досталась более легкая и приятная задача: погулять по городу, пройтись вдоль Рейна и показать достопримечательности. В музее я подвела Александра Александровича к картине Гольбейна-младшего «Мертвый Христос в гробу». Об этой картине, которая глубоко поразила Достоевского, разговаривают князь Мышкин с Рогожиным в четвертой части «Идиота». На Александра Александровича картина произвела сильное впечатление, и он очень благодарил меня за это посещение.

Во время наших прогулок я рассказала, что только что начала писать диссертацию о «поэме» Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки», в то время почти не известной на Западе. Моя проблема состояла в том, что о биографии и жизни Ерофеева не было никаких сведений. Но я знала, что Зиновьев был с ним знаком: на одной из фотографий Владимира Сычева в альбоме «Des Russes vues par Vladimir Sichov»⁴ Зиновьев сидел между Венедиктом Ерофеевым и Георгием Владимовым. Александр Александрович предложил мне написать письмо, которое он найдет возможность передать Ерофееву. И довольно быстро получила я от Ерофеева исчерпывающий, по возможностям официальной переписки тех лет, письменный ответ.

В 1983 году пришла весточка от Зиновьева. Он советовал мне связаться с Георгием Владимовым, эмигрировавшим на Запад и живущим в Эшборне. По его словам, Ерофеев с Владимовым были друзьями. Александр Александрович обещал, что напишет Владимову и рекомендует меня. Я до сих пор испытываю глубокую признательность за его память и участие.

* * *

Возможность встретиться с Владимовым взволновала и обрадовала меня. Я всегда любила его книги, но особое отношение у меня было к роману «Три минуты молчания».

Я провела школьные годы в Мурманске, где мой отец преподавал в местном пединституте всю историю человечества — от неандертальцев и до революции 1917 года. Мы жили в крошечной хрущёвке на улице Ленина, центральной, как легко догадаться, магистрали города. Вход в подъезд был со двора, куда выходила и задняя дверь ресторана «Арктика», описанного в «Трёх минутах молчания». Пейзажи и атмосфера «мурманской» части романа, мастерски воспроизведенные Владимовым, были знакомы мне до мелочей.

Я позвонила Владимовым, и мы договорились о дне моего визита. Через несколько дней поезд мчал меня во Франкфурт с самой красивой коробкой шоколадных конфет, приобретенной в лучшей базельской кондитерской. Приехав и забросив вещи к знакомым, я сразу отправилась в Эшборн.

Владимовы приняли меня со сдержанной приветливостью. Они жили втроем с Наташиной матерью Еленой Юрьевной Кузнецовой в двухкомнатной квартирке. Георгий Николаевич сразу пожаловался мне на отсутствие обоев. Почему-то он очень любил обои, они были для него воплощением дома и уюта. Во всех домах, где я с ним впоследствии бывала, я сразу слышала его комментарии по поводу обоев. Мы поговорили о Венедикте Ерофееве. Перефразируя Марка Твена, слухи о том, что они — друзья, были сильно преувеличены. Владимов ничего не знал о биографии, личных обстоятельствах и жизни Ерофеева. Георгий Николаевич признавал за автором несомненный талант и ценил «поэму», как литературное произведение, но привел мне аргумент, который я уже слышала: нельзя так писать о своем народе, как будто его большая часть — спившиеся и опустившиеся дегенераты. Я была совершенно не согласна, но спорить не стала. Замечу наперед, что мы позднее не раз говорили с Георгием Николаевичем о «поэме», и он, высоко оценивая исключительную одаренность Ерофеева, этого аргумента больше не приводил. Сразу было ясно, что они настолько полярно различны с Ерофеевым по образу жизни, мировоззрению и характерам, что о близкой дружбе не могло быть и речи. Наталия Евгеньевна, Наташа, как она мне сразу представилась, относилась к «Москве—Петушкам» сугубо отрицательно.

Владимов собирался принять «Грани» и рассказывал о своем видении журнала: эквивалент «Нового мира» в западных бесцензурных условиях.

Владимовых очень интересовал мой опыт жизни в Швейцарии, и особенно вопрос, как можно поскорее выучить язык. Пройдя через необходимость изучить в эмиграции несколько языков, я охотно делилась опытом, объясняя все свои выработанные трюки для возможно скорого их освоения. И тут они меня огорошили. Выяснилось, что они решили учить сразу три иностранных языка, немецкий (который Наташа, впрочем, учить не хотела), французский: «*Косметику разбирать*», — снисходительно-любовно пояснил Георгий Николаевич пристрастие жены к языку Вольтера и Гюго, и английский: «*Потому что без английского сейчас никуда*». С этой целью ими было куплено три тетрадки: «*Мы будем выписывать и учить слова сразу на трех языках*», — пояснили они мне. Явно предполагалось, что, исписав три тетрадки словарем на трех языках, они надеялись овладеть тремя европейскими языками. Я обомлела от

такой наивности, но особенно разубеждать не стала, рассудив, что безнадежность подобного лингвистического подхода очень скоро станет им ясной и без меня. Но попыталась убедить их, что, живя в стране, необходимо — хотя бы до степени беглости чтения и разговора — овладеть ее языком. Они кивали, но слушали вполуха.

Мы говорили о ситуации в Советском Союзе, и здесь я была наивнее их: Владимовы предрекали скорое крушение «совдепии», а мне казалось, что безнадежный монолит будет стоять еще много лет. Я просидела у них около двух часов. Но когда я упомянула о Мурманске, Георгий Николаевич сказал, как бы в пространство: *«С тех пор, как я написал “Три минуты молчания”, все, оказывается, жили в Мурманске во дворе ресторана “Арктика”»*. Я удивилась, но отступила, не настаивая на своей правдивости. Наташа предложила пообедать с ними. *«У меня есть суп!»* — гордо объявила она. Но я поблагодарила и распрощалась.

Выйдя от Владимовых и трясясь в трамваях по пути к друзьям, я размышляла об этой встрече и пришла к следующим выводам. Во-первых, Владимов поразил меня масштабом своей личности. Было ясно, что это человек — глубокий, серьезный и очень крупный. Во-вторых, на меня произвел глубокое впечатление его патриотизм, неподдельный, лишенный всякого оттенка национализма или дешевого пафоса. Он искренне и деятельно любил и чувствовал прямую ответственность за свою изгнавшую его Родину и ее народ. В-третьих, я поняла, как наивно ехать к большому писателю, чтобы говорить с ним не о его творениях, но о другом писателе. И, наконец в-четвертых, почувствовав трогательность и очарование Наташи, я все-таки стала ее немножко бояться. Меня пугала резкая безапелляционность суждений и ее особая, чуть взвинченная нервность, страшную причину которой я узнала много позднее.

Отец Наташи Евгений Михайлович Кузнецов был крупнейшим деятелем и исследователем в области цирка. Когда началась кампания борьбы с космополитизмом, среди евреев разных сфер и профессий, которых тогда преследовали, всегда был один не-еврей, чтобы продемонстрировать, что властями двигал не просто черный антисемитизм. Против Кузнецова, как “апологета буржуазного цирка”, разразился шквал абсурдной критики. Бог знает, чем бы все это кончилось, если бы Сталин не умер. Евгений Михайлович был потрясен и страдал с тех пор острыми приступами депрессии. В 1958 году он послал свою пятнадцатилетнюю дочь в магазин за молоком. Когда Наташа вернулась, отец висел в петле.

Кроме огромного влияния на ее личную жизнь, этот шок рано и навсегда определил Наташино отношение к советской власти.

Мои личные страхи оказались неоправданными. Наташа всегда была добра со мной и до конца жизни очень ко мне благоволила.

* * *

Примерно через месяц Георгий Николаевич неожиданно позвонил мне. Они ехали в Женеву по приглашению известного знатока современной русской литературы, профессора Женевского университета Жоржа Нива. Там у Владимова планировалось два доклада, один в «Русско-Швейцарском обществе», другой в университете. «Русско-Швейцарское общество» Женевы состояло в основном из детей реэмигрантов. В конце 20-х — начале 30-х годов Сталин предложил всем обладателям иностранных

паспортов выбирать: получить советское гражданство, отказавшись от паспортов страны своих предков, или навсегда уехать из СССР. В «Докторе Живаго» мимо окон сломанного трамвая, в котором Юрий едет навстречу своей смерти, проходит его старая швейцарская гувернантка мадемуазель Флери, идущая за получением выездных документов. Насколько я знаю, все швейцарские граждане, не желая менять подданство, покинули Советский Союз. Их дети, получив образование уже в Швейцарии, стали успешными врачами, адвокатами, учеными и дипломатами. Но «генетическая память», тяга и любовь к русскому языку, литературе и традициям была в них жива. Они вносили в «Русско-Швейцарское общество» щедрый денежный взнос, и гений организации Жорж Нива кооперировался с ними, приглашая в Женеву русских писателей и деятелей культуры.

Георгий Николаевич сказал, что они очень хотели бы встретиться со мной еще раз, и попросил приехать в Женеву и побыть там с ними несколько дней. Наташа тоже взяла трубку: «*Светлана, приезжайте!*». Я понимала, что они чувствуют себя неуверенно в чужой обстановке, и хотят видеть рядом знакомое лицо. Через несколько дней я катила мимо прекрасных швейцарских озер в поезде, направлявшемся в Женеву. Владимовых поселили в хорошем отеле в центре города. Я обосновалась в пансиончике. Приехав к ним в гостиницу, я была радостно и тепло встречена Георгием Николаевичем и Наташей и с куда меньшим энтузиазмом или даже совсем без того Жоржем Нива, который моего появления никак не ожидал и совершенно не понимал, зачем и при чем тут я. Жорж (как меж собой называли его все швейцарские и французские слависты), обладая не только исследовательским, но и журналистским талантом, активно занимался просветительской деятельностью. Он писал в швейцарские и французские газеты и литературные журналы яркие и интересные статьи о современной русской литературе. Он собирался сделать несколько интервью с Георгием Николаевичем, и я явно путалась у него под ногами, отвлекая внимание Владимовых. Те же, наоборот, настаивали, чтобы я присутствовала везде и с ними не расставалась.

Вечером у Георгия Николаевича было выступление в «Русско-Швейцарском обществе». До этого мы вместе перекусили и что-то выпили в баре, причем Георгий Николаевич платил за все, и они слушать не хотели о моем денежном участии.

Во время доклада Владимов говорил о своих произведениях, работе в «Новом мире» с Симоновым и Твардовским и о планах на будущее. Потом были ответы на вопросы, и тут он поразил меня еще раз. Как и всегда во время таких встреч, вопросы были самого разного толка и качества. Владимов отвечал на вопросы, даже казавшиеся мне пустыми или глупыми, с глубоким чувством уважения к каждому человеку. Он возвышал задающего вопрос до уровня своего интеллекта и эмоций, и в этом проявлялось высокое и щедрое достоинство большого человека. На меня это произвело огромное впечатление, навсегда избавив от поверхностного снобизма. И я сделала для себя простой вывод, который очень помог мне в будущем преподавании: на каждый глупый вопрос есть умный ответ. Я до сих пор глубоко признательна Георгию Николаевичу за этот урок.

На следующий день утром было выступление в университете. После него Жорж решительно объявил мне, оказавшейся между молотом и наковальней, что хочет забрать Владимова для интервью. «*Погуляйте с Наташей!*» — твердо сказал он. «*Да пусть она поедет с нами*», — предложил Георгий Николаевич. Я почувствовала, что молот сейчас разможжит мой череп. Но тут выяснилось, что Наташа должна остаться в

гостинице, чтобы забрать их вещи из номера и подписать какие-то квитанции. «Она не справится!» — мрачно объявил Георгий Николаевич. «С чем тут можно не справиться? Все оплачено! Ей нужно собрать вещи, спустить их на лифте вниз и расписаться», — пожимал плечами рациональный Жорж. «Она не справится, не справится!..» — постанывал Владимов. Я предложила, что я останусь с Наташей и помогу. Жорж впервые посмотрел на меня благосклонно. Вечером Владимовы были приглашены в один из женевских эмигрантских домов, где обещалась водка на смородиновых почках и прочие вкусности. Они должны были ночевать там, а утром выехать назад во Франкфурт. Понимая, что Владимовы остаток визита будут среди кустов смородины и малины под надежной опекой гостеприимных хозяев, я решила вернуться в Базель. Мы простились очень сердечно и договорились быть в контакте.

* * *

В последующие годы мы иногда переписывались и перезванивались, но все были очень заняты. Владимовы работой в «Гранях», а потом конфликтом с НТС. Я — своими проблемами. Лозаннский университет, где я писала диссертацию, Бог знает почему, категорически отказал мне в стипендии, и мне приходилось разрываться между работой в Базеле по выходным и понедельникам, выезжая по вторникам первым поездом, в 4.30 утра, в Лозанну. Я очень уставала, писала диссертацию по ночам, учила и доучивала французский, готовясь к открытой защите. Защита состоялась 29 ноября 1987 года и прошла очень успешно. Вскоре Лозаннский университет сообщил мне в письме, что рекомендует мою диссертацию к публикации и полностью берет на себя все расходы по изданию книги. Это был огромный подарок. Моим издателем был Жорж Нива, и я сохраняю глубочайшую благодарность за его неожиданную для меня теплую поддержку и высокий профессионализм, с которым он давал мне ценные советы во время подготовки книги к публикации.

Монография «Венедикт Ерофеев “Москва—Петушки”, или “The rest is silence”» вышла в 1989 году в серии «Slavica Helvetica» и была опубликована известным швейцарским издательством «Peter Lang». Получив изданную монографию, я послала экземпляр Владимовым. Спустя какое-то время мне позвонила Наташа и сказала, что ей и Георгию Николаевичу мое исследование очень понравилось, и добавила: «А теперь, Светлана, вы должны написать о Владимове». Я об этом думала и сама.

* * *

В 1991 году, работая в Цюрихском университете, я решила пригласить Владимова выступить перед коллегами и студентами. Поговорив с начальством и заполнив бесконечное количество бумаг, я выхлопотала порядочный гонорар. Повесив объявление в университете, я дала знать всем коллегам, друзьям и знакомым. Я ожидала полную аудиторию, человек 60–70. Владимовы хотели приехать на поезде к обеду и должны были остановиться у меня. Утром назначенного дня раздался звонок. Георгий Николаевич сообщил, что они оба не совсем здоровы: «...начинается грипп», — и поэтому не приедут. Недели через три позвонила Наташа и категорически объявила, что они приедут через несколько дней. Я опять побежала по начальству, мне пообещали, что, если я заполню соответствующие бумаги, гонорар будет выплачен.

Опять объявления, звонки, подготовка, предчувствие и возбуждение от предстоящей встречи. Вечером накануне предполагаемого приезда — звонок. Владимовы не придут, причины я уже не помню. По лицу тогдашнего заведующего кафедрой — профессора французской литературы — я поняла, что третий раз лучше о гонораре и не заикаться. Но больше вопрос об их приезде не поднимался.

В 1993 году я опубликовала статью «Глазами Собаки (О повести Георгия Владимова “Верный Руслан”»)⁵. Я несколько помедлила, прежде чем послать ее Владимовым. Боясь их реакции, особенно Наташиной, я малодушно отправила им пакет со статьей накануне отъезда в отпуск. И укатила. Через две недели поздно вечером я вернулась в Цюрих в самом радостном настроении, полная моря, солнца и винограда.

В 7.30 утра следующего дня меня разбудил звонок. *«Светлана, — раздался тоненький решительный Наташин голосок, — мы прочитали вашу статью!»* Сердце мое куда-то полетело и застучало в обеих пятках. Виноград в крови стремительно превращался в уксус. *«Очень талантливо! — сказала Наташа. — Даже я, хотя так хорошо знаю текст, многого не заметила».* Сердце вернулось на положенное ему природой место, а в крови опять потек виноградный сок. Мы с ней еще немножко поболтали, а потом трубку взял Георгий Николаевич, разговаривавший со мной необычно тепло.

* * *

Они позвонили той же осенью. *«Мы получили фильм “Верный Руслан”, — сказала Наташа, — и Жора хочет его с вами посмотреть. Мы очень хотим вас видеть, приезжайте!».* Я обещала приехать в самом скором времени.

Я обрадовалась их приглашению и потому, что была счастлива их вновь увидеть, и потому, что во Франкфурте проходила одна из первых на Западе ретроспективных выставок русского искусства XX века «Die Grosse Utopie»⁶. Мне чрезвычайно хотелось ее посетить, и я подумывала о том, чтобы на день или два съездить во Франкфурт. Я позвонила, и мы договорились с Наташей о дне приезда. Я объяснила, что днем пойду в музей, а потом на поезде доберусь к ним в Нидернхаузен. Георгий Николаевич перезвонил и сказал, что они придут во Франкфурт, встретят меня возле музея и отвезут к себе.

Они подъехали ко времени закрытия музея, и мы сели в машину. *«Что за выставку вы смотрели?»* — спросил Владимов. Я, полная впечатлений, подробно рассказала об увиденном. *«Видишь, а мы пропустили. Сами не знали, и никто не сказал! — обратился он к Наташе: — Давай сходим на следующей неделе!»* Я объяснила, что это был последний день выставки. Мы о чем-то общем беседовали до конца пути, но, когда мы подъезжали, я увидела у поворота к их дому огромный яркий плакат с объявлением о выставке. В этот момент я ясно осознала их полную оторванность от окружающего мира. Видя ежедневно рекламу выставки, они ни разу «не включились» и не попробовали прочесть ее.

Мы вошли в квартиру. В ней было четыре комнаты, в одну из которых, как в царстве Синей Бороды, мне было сказано не входить. Тайны в ней, впрочем, не было никакой. Наташа легко и простодушно объяснила: *«Жора давно хотел вас пригласить, но я все никак не могла убраться. Так что он, наконец, снес туда к вашему приезду все, что мешало».* Она очень жаловалась на здоровье, говорила, что больна: *«Ступни горят».*

Она и была уже больна, но страшный недуг, от которого она умерла несколько лет спустя, еще не проявился в явных симптомах. В гостиной стояла ее большая черно-белая фотография: необычайно красивая девочка лет 11–12 с пионерским галстуком, в которую, как сказал мне с гордостью Георгий Николаевич, был влюблен Сергей Довлатов. Георгий Николаевич время от времени с нежностью посматривал на фотографию. Но он явно очень устал от разговоров о болезнях, и ему хотелось отвлечься. Мы посмотрели фильм В.И. Хмельницкого с замечательной собакой в роли Руслана. Владимову фильм не очень нравился, он вообще считал, что его книги не ложатся в экранизации. Особенно он был недоволен введенной религиозной нотой: *«Свечку какую-то за Руслана ставят... Я говорил Хмельницкому: “Уберите вы это, фальшь получается!”»*.

Они очень много, подробно, эмоционально и иногда сбивчиво рассказывали о конфликте с НТС. О суде, о смерти Елены Юрьевны, Наташиной мамы и любимой тещи Владимова. Они остро ощущали ее потерю и отсутствие в своей жизни. Их отношения были очень близкими, и обожавшая, безмерно восхищавшаяся мужем Наташа несколько раз вздохнула повторила по ходу рассказа: *«Жора — рыцарь, вы понимаете, Светлана, он — настоящий рыцарь!»*.

Во время этой встречи Георгий Николаевич еще раз упомянул мою книгу о Венедикте Ерофееве и статью о «Верном Руслане». Ему очень нравилось мое отношение к авторским текстам, и он ясно дал понять, что хотел бы, чтобы я о нем написала книгу: *«Я дам вам все материалы, которые понадобятся»*. Наташа его горячо поддержала, и я, уже думавшая об этом, сказала, что и сама очень хотела бы начать эту работу. Наташа, воодушевившись и обрадовавшись, сразу притащила множество папок и стала мне рассказывать об отношениях, проблемах и конфликтах с разными людьми, живущими в эмиграции, — об Аксенове, Максимове, Гладилине и многих других. Она читала мне письма, свои и Георгия Николаевича, и ответы адресатов. Я начала сникать. Писать об истории эмигрантских столкновений, в которых я не принимала никакого участия, и где черт сломал бы обе ноги, рога и хвост, я совершенно не хотела. Ее остановил Георгий Николаевич: *«Оставь! — решительным тоном, которого Наташа сразу послушалась, сказал он. — Ее интересует — литература. Она может об этом писать, вот пусть и пишет!»*. В этот момент я с благодарностью осознала степень его доверия и как ему хотелось бы, чтобы я занималась его творчеством.

Их изолированность, одиночество, неустроенность в чужом для них мире производили очень тяжелое впечатление. Немецкий язык, как и два других, выучен не был. Для всех бумаг и при возникавших проблемах, бытовых и медицинских, нужно было обращаться к каким-то знакомым за помощью. На второй день они стали собираться в магазин. Наташа, одевшись очень нарядно, положила на лицо такое количество косметики, что ее красота пропала под синей, черной и красной красками. На кукольных щечках были выведенные красной помадой аккуратные кружочки. В этот момент она производила болезненное впечатление не вовремя пришедшего в жизнь «грустного клоуна». Она торопливо рассказывала мне о том, что продавщица в супермаркете завербована КГБ, перечисляя явные ей одной приметы, по которым точно выявила это. Георгий Николаевич относился к ней с глубоким состраданием и бесконечной любовью.

Через какое-то время уже после моего отъезда в этом магазине произошел бессмысленный скандал: кассирша обвинила Наташу в краже баночки салата из

сельдерея. Это была полная нелепость, недоразумение, поверить в реальность которого абсолютно невозможно. *«Да мы этот сельдерей и не ели никогда!»* — возмутился Георгий Николаевич. Он написал тяжелое и резкое письмо директору магазина, и больше в этот супермаркет Владимовы никогда не ходили. Они ездили за продуктами в Висбаден.

Я встречала в эмиграции много людей, по-разному адаптировавшихся к жизненной ситуации в условиях чужой страны и культуры. Но я никогда не видела такого одиночества и неблагополучия, как то, в котором жили тогда Владимовы. Я уезжала от них с очень тяжелым чувством.

* * *

Следующие два года наши контакты были эпизодическими. Я переехала в Лондон, Владимов опубликовал в журнале «Знамя» роман «Генерал и его армия» и в 1995 году получил своего первого Букера. Он рассказывал мне об этом по телефону с чувством глубочайшего профессионального и человеческого удовлетворения. Много говорил о надежде вернуть квартиру в Москве, рассказывал, какие шаги для этого предпринял. Впервые несколько раз с радостью упоминал о дочери Марине. Он жил на большом душевном подъеме в это время, хотя невозможность получить жилье в Москве оставалась открытой раной.

Наташа, между тем, болела, угасала, и вот умерла 26 февраля 1997 года.

* * *

Я не помню, как узнала о ее смерти. По-моему, из газеты «Русская мысль», выходившей тогда в Париже. Я сразу же позвонила Георгию Николаевичу. Мы долго говорили, и я стала звонить ему очень часто. Если я не звонила пару дней, он беспокоился и звонил сам. Мысль о его одиночестве в неустроенной четырехкомнатной квартире была невыносимой. Он тосковал необычайно: *«Открываешь шкаф — кофточка висит...»*. Я пригласила его в Лондон, и он легко и с радостью согласился.

Владимов приехал к нам в начале весны. Я освободила все дни, чтобы побыть с ним. В первый же вечер, когда мы втроем ужинали и выпивали, он спросил меня, где я провела детство. Я рассказала, как родители еще до моего рождения уехали из Ленинграда в надежде спастись от ареста во время кампании «борьбы с космополитизмом», и как, проведя несколько лет в глубокой белорусской провинции, городке Горки, мы переехали в Мурманск, где я училась в школе. Георгий Николаевич страшно оживился: *«Что же вы никогда не упоминали про Мурманск!»* — с радостным упреком сказал он мне. Арнольд⁷, помнивший историю *«...про всех, живших во дворе ресторана “Арктика”»*, улыбнулся. Эта часть моей жизни интересовала Георгия Николаевича чрезвычайно, он много расспрашивал о моем мурманском детстве и даже спросил, можно ли ему в будущем что-то из моих рассказов использовать. Помня о берегах Норвегии, к которым в «Трех минутах молчания» попадает советский рыболовный траулер, я поведала ему свою «норвежскую» историю.

Норвегия отзывалась во мне с детства музыкой Грига, неизъяснимо прелестной «Песней Сольвейг» и «Шествием гномов», которые я играла на тугих клавишах пианино. Ребенком, найдя парочку фотографий Норвегии в «Большой Советской Энциклопедии», я воображала себе полную хрустальных водопадов страну необычайной красоты. Посещение ее во взрослом возрасте подтвердило мои детские грезы.

Мурманск в то время был «закрытым городом», куда иностранцы не допускались. Рациональных причин для этого не было никаких: город был самым большим в СССР европейским портом рыболовного гражданского флота. Там были верфи и большой судостроительный завод, чинивший и выпускавший траулеры. Не пускать в Мурманск можно было только из-за огромного количества пьяных на улицах и случавшихся время от времени внезапных кратких и яростных сражений проституток, которых в Советском Союзе, впрочем, «не было». Так или иначе, иностранцев мы не видели.

Но однажды в нашей школе номер два было сделано сенсационное объявление: школу посетит делегация норвежских учителей русского языка. Учеников отпустили на два дня с занятий, проход по коридору, где должна была следовать делегация, а также актовй зал мыли, драили и красили.

Нескольким девочкам, в том числе и мне, было поручено надеть парадную форму, белые фартучки и белые капроновые бантики в волосы, и приготовить подарки. Я все исполнила, и на отпущенные мамой рубли купила маленькую палехскую шкатулку с Серым Волком и Иваном Царевичем — верх роскоши по моим детским представлениям.

Я на всю жизнь запомнила лицо сероглазого, светловолосого норвежца. Теперь я понимаю, что ему было лет 27–28, но мне, восьмилетней, он казался очень взрослым. После официальных речей мы поднялись на сцену, и я вручила ему свой подарок. Он явно был растроган, очень благодарил, жалея, что не захватил с собой никаких сувениров. Он расспрашивал о моей семье, о том, чем я люблю заниматься, какие книжки читаю. Все уже ушли в зал, и я спиной чувствовала, что осталась с ним на сцене одна и на нас все смотрят. Он спросил мою фамилию и адрес, пожал мне, как взрослой, руку, и я, довольная собой и им, побежала в зал. Дома я доложила маме о подарке, и занятые взрослые меня ни о чем не расспрашивали.

Месяца через полтора я заметила, что с моими родителями что-то происходит. Оба очень нервничали и о чем-то тихонько говорили по секрету от меня. Иногда до меня доносились слова «Яша» и «Париж». Яша, Яков — был папин младший брат, пропавший без вести во время войны. Попытки разыскать его или узнать что-то о его судьбе оказались безуспешны. С двоюродным братом отца, жившим в Париже, они переписывались вплоть до начала времен «космополитизма», когда такая переписка сделалась смертельно опасной. Однажды, придя из школы, я заметила, что мама — совершенный клубок нервов. Минут через пятнадцать пришел папа, и они ушли в нашу шестиметровую кухню, плотно закрыв дверь. Вскоре мама вышла и сказала, что меня зовет папа. Я вошла в кухню, мама за мной. Меня посадили на табуретку, мама стояла у холодильника.

«Светочка, — начал папа, — ты кому-нибудь давала наш адрес? Какому-нибудь иностранцу?» Я сказала, что назвала наш адрес норвежскому учителю. Папа стал

объяснять, что не нужно давать наш адрес малознакомым, а тем более иностранцам. Воспитанная в строгом уважении к взрослым, я возразила: «Как же я могла не дать, если он — учитель?!». Вразумительного ответа на этот детский довод у моих родителей не было, и они мямлили что-то неотчетливое. «А что случилось?» — в недоумении спросила я. И тут оказалось, что милый норвежец решил меня отблагодарить и послал мне посылку. Моего отца пригласили объясниться в местное КГБ по поводу «связей» его восьмилетней дочери с капиталистической границей.

Я пришла в полный восторг. В свои восемь лет я не получала никакой почты, а тут целая посылка из Норвегии! «А что он мне послал, где посылка?» — я сгорала от любопытства. Родители переглянулись: «Он послал жвачку и цветные карандаши», — честно ответил папа. Про жвачку я ничего не знала, и эта часть посылки была мне совершенно неинтересна. Но цветные карандаши!!! Это был «дефицит», богатство, о котором мечтали все мурманские дети. «Где они?» — чувствуя, что мои глаза горят от счастья и ожидания, спросила я. Родители опять переглянулись. Посылку оставило себе КГБ. «Но как же? — ничего не понимала я, — Это же МОИ карандаши! Они, наверное, просто забыли их отдать. Папа, давай пойдем завтра в КГБ и заберем! Или я сама сбегаю до школы». Я училась во вторую смену, а здание КГБ находилось недалеко. Я сейчас не помню, какими резонами и обещаниями родители умерили мой пыл и разочарование.

Наверное, какой-то сотрудник КГБ подарил эти карандаши своей дочке или сыну. Мне не жалко, я всегда была готова делиться. Но такого ошеломившего меня мелкого воровства «взрослых дядей» я не забыла. Я иногда рассказываю эту историю своим студентам и говорю, что мои разногласия с советской властью начались в восемь лет, когда КГБ украло МОИ цветные карандаши.

Но только взрослой я полностью осознала маразм той ситуации.

22 июня 1941 года в 4.30 утра мои родители проснулись в городе Гродно, самом близком от польской границы. Спать было невозможно из-за грохота в беспорядке отступавших войск. Оставив маму с братом на улице, папа побежал в военкомат и был немедленно мобилизован в армию. Ему был двадцать один год. Он начал войну младшим лейтенантом, служил в военной разведке, участвуя в бесчисленных вылазках в тыл врага для сбора сведений и поимки «языка», ночуя на деревьях, проводя дни и ночи в снегу. Он был ранен в глаз крошечным осколком снаряда. Врачи решили глаз не оперировать, сказав, что полная потеря зрения в нем была необратимой. Проведя две недели в госпитале, папа вернулся на фронт. Он окончил войну майором и командиром дивизии. У него было пять боевых орденов и двенадцать медалей. В 1945 году в двадцать шесть лет он вернулся с войны с неизлечимым туберкулезом, ставшим причиной его ранней смерти. После пяти лет войны он увидел, наконец, своего пятилетнего сына, месячным младенцем оставленного на улице Гродно. И теперь, в неполные сорок лет, обожаемым студентами профессором единственного высшего учебного заведения европейской части советского Заполярья, он нервничал, идя объясняться с какими-то дармоедами из-за норвежской жвачки и детских карандашей.

Владимов необычайно потеплел ко мне после этого рассказа. Но когда он спросил, за что отцу были присвоены ордена, я не помнила, и он, вздохнув, укоризненно покачал головой: «Вот — девочка! Сын бы не забыл!». И тогда я все-таки ему рассказала историю про один орден.

В нашем мурманском доме часто бывали студенты-заочники, приходившие сдавать экзамены. Это были, в основном, офицеры военного флота, базирующегося в Североморске. Они плавали, бывали в море на учениях, служили на подводных лодках. Часто их не было на земле во время сессий, и им разрешалось сдавать экзамены в другое время. Диплом института нужен им был для продвижения по службе. Придя в нашу крохотную квартирку, они нервничали, как маленькие дети. Квартира — «хрущевка» — состояла из четырехметрового коридора, двух смежных комнат, 15 и 9 метров, шестиметровой кухни и малюсенькой ванной комнаты. С нами жила моя кузина Галочка, веселая красавица, работавшая санитарным врачом в порту, а потом и ее муж. В «большой» комнате был круглый стол, вокруг которого каждое воскресенье собирались друзья родителей. Там же стояли мое пианино, на ночь растягивающийся родительский диван-кровать и раздвигающееся кресло-кровать, на котором спала я. В нем же, собранном на день, свернувшись калачиком в красной махровой поверхности, я читала и готовила уроки. Папа сажал офицеров за круглый стол, давал им вопросы и уходил почитать в другую комнату. Я уголком глаза видела, как бравые подводники, тайком и стесняясь, списывали ответы из учебников. Когда я однажды сказала папе об этом, он спокойно ответил: «Если они за 10–15 минут могут найти в учебнике нужное место, списать, да еще мне толково рассказать о списанном, я считаю, что они были прекрасно готовы к экзамену». Сколько я помню, меньше четверки никто не получал. После экзамена, если мамы не было дома и студент ему нравился, папа предлагал выпить коньячку, и, расстелив на плюшевой скатерти газету, резал на ней хлеб и колбасу. Я из своего кресла с интересом слушала их разговоры. Обычно рассказывали гости, папу очень интересовал их морской быт и опыт, и он был прекрасным слушателем. Но я помню, как однажды один из офицеров спросил отца о военных орденах. Уже порядочно угостившийся коньяком, папа рассказал, как поздней осенью 1941 года, еще лейтенантом, он получил свой первый орден Красного Знамени, самый высокий из существовавших тогда орденов. А вечером, когда он и несколько офицеров отмечали это событие, его начальник полковник, изрядно подвыпив, сказал: «Я бы тебя, Абрам, к Герою представил, но сам видишь, в какой мы глубочайшей ж... Сейчас Героя только мертвым дают». Я обомлела в своем кресле при слове «ж...». Такие слова в нашем доме никогда не звучали, и из папиных уст я их даже представить себе не могла.

Заметив мою головку, в изумлении возникшую над спинкой кресла, папа серьезно пояснил моментально просекшему ситуацию офицеру: «Ж-Ж-есткая была ситуация на фронте». И они оба заулыбались.

Георгий Николаевич даже привстал от волнения: «Услышь я раньше, я бы это в «Генерала» вставил!» — сказал он неожиданно взволнованно. Он дважды произнес: «Только мертвым... Героя — только мертвым...» — и, чуть качнув головой, повторил пушкинское: «Они любить умеют только мертвых».

Разогретый моими рассказами и водкой, Владимир много рассказал нам об обысках и преследованиях КГБ, о нападении на Наташу и ее смелости. И как он спросил следователя, допрашивавшего его в КГБ и курировавшего добровольно-

принудительный отъезд в эмиграцию: *«А вам не обидно, что русский писатель уезжает, покидает свою родину?»*, — на что тот ответил: *«Не-ет! Писателей у нас много...»*. Арнольд рассудительно заметил: *«У них было много писателей, они писали доносы»*. Мы засиделись допоздна, и в тот вечер наше доброе знакомство переросло в сердечную дружбу.

Мы гуляли с Георгием Николаевичем по лондонским паркам. Когда я привела его в «Сад роз королевы Марии», сказав, что это самое райское место на земле, он скептически заметил: *«Сколько же денег это стоит, ваш рай содержать?»*. Я объяснила ему начальную концепцию лондонских королевских парков, созданных еще в конце XVII века: равенство на природе всех сословий, и, таким образом, смешение их для социального образования высших слоев, а также улучшения манер и самосознания более низких. Поэтому «мой рай» — это не просто роскошь. Как и все исторические сведения, эта информация была ему очень интересна. И он как-то по-детски обрадовался, услышав, что все лебеди Великобритании являются собственностью королевы. И как однажды, когда какой-то негодяй убил лебедя, об этом сообщалось по телевизору и в газетах, так как было покушением на собственность Ее Королевского Величества Елизаветы Второй. Я видела, что наши прогулки, болтовня и мои рассказы об истории действуют на него успокаивающе.

Я повела его в «Коллекцию Уолласа», где хранится не только прекрасная коллекция картин, но есть также залы рыцарских доспехов и удивительной красоты оружия, инкрустированного золотом, серебром, драгоценными и полудрагоценными камнями и перламутром. Георгий Николаевич так заинтересовался, что до картин мы не дошли. Он просил меня переводить все надписи, подробно объясняя мне применение ручного и принципы работы огнестрельного оружия разных времен, систем и калибров. Он знал удивительно много и прекрасно соображал, как и что работает. Через три часа я, слегка одуревшая, вышла из музея с головой, переполненной абсолютно лишними для меня сведениями.

Мы съездили в Виндзор, где мощный замок-крепость произвел на Владимова огромное впечатление. Я очень увлекалась средневековой английской историей, и опять Георгий Николаевич слушал мои рассказы и объяснения с живейшим интересом, задавая много вопросов.

Однажды, встав утром, я увидела, что они с Арнольдом — два жаворонка, уже откуда-то пришли. Выяснилось, что они посещали агентство путешествий.

Англичане — народ эксцентриков. И их национальная особенность состоит в том, что, если человек хочет что-то делать, что не мешает и не вредит другим, значит, это его личный выбор. У него могут быть свои доводы и резоны, и неприлично вмешиваться в чужую жизнь. Помогите, если попросили, а остальное — не ваше дело. Англия — страна не-советов, и мой муж в этом отношении, как, впрочем, и во многих других, типичный англичанин.

«Мне нужен был обратный билет», — просто и ясно объяснил Георгий Николаевич. Я обомлела: *«У вас билет был куплен в один конец?»* — *«Конечно, а как же? — ответил Георгий Николаевич, — я всегда так покупаю, иногда прямо в аэропорту»*. Я посмотрела на Арнольда. Он чуть приподнял брови и пожал плечами. Выяснилось, что даже в Россию Владимов с Наташей ездили с билетами в один конец, платя

астрономические деньги. *«Но, Георгий Николаевич, — я старалась говорить спокойно, — ведь билет, купленный сразу в оба конца, стоит несравнимо дешевле!»*. Он очень удивился, и меня посетило уже испытанное мной в Нидернхаузене тяжелое чувство его неблагополучия в чужом мире. Мы пошли в агентство, где сообразительный молодой человек выслушал меня с некоторым изумлением. К счастью, билет в один конец можно было сдать, после чего агент нашел нам дешевый дневной возвратный билет. Георгий Николаевич улетел бы около десяти утра, а обратный билет, который он бы просто не использовал, был на вечерний рейс. Цена была в три с половиной раза ниже той суммы, которую Владимов заплатил за билет в Лондон. Георгий Николаевич был чрезвычайно доволен. *«Я даже не знал, что существуют дневные билеты, — сказал он, — кто же так летает, на один день?»*. Я рассказала, как преподавала русский язык директору большого швейцарского банка. Когда я сказала ему однажды, что должна отменить следующий урок, так как буду в Лондоне, он деловито спросил: *«Весь день?»*. Все это привело Владимова в прекрасное настроение.

Вечером Георгий Николаевич, почувствовав себя Крезом от количества сэкономленных на билете денег, пригласил нас в ресторан. Зная его стесненную ситуацию, мы предложили пойти ужинать в паб неподалеку, где часто бывал живший в доме на параллельной улице Чарльз Диккенс. В пабе Владимов поинтересовался, какое пиво пил Диккенс. О пивных пристрастиях великого писателя мы ничего не знали. Поэтому они с Арнольдом перепробовали разные традиционные сорта английского пива и изрядно наклюкались, вернувшись домой в самом приятном расположении духа. И тут еще добавили традиционный английский night cup — «ночной колпак» в переводе моего мужа — стаканчик виски. *«Даже не помню, когда я так хорошо спал, — сказал наутро вставший много позднее обычного Владимов. — В Лондоне у вас я сплю, а у себя...»*, — он махнул рукой. *«Вот и приезжайте к нам, когда поспать захочется»*, — предложила я.

Пришло время отъезда. Арнольд вызвался проводить гостя рано утром в аэропорт. Георгий Николаевич очень благодарил нас, сказав мне: *«Спасибо большое, что вы меня вытащили, а то я сижу там один, как бирюк»*.

* * *

Несколько месяцев мы перезванивались, а в августе, почувствовав, что он затосковал, я опять пригласила его. Он явно обрадовался и на следующий день купил билет, бодро доложив: *«Билеты в Лондон дешевые!»*.

В первый день мы отправились гулять, и я показала ему место казни в 1649 году короля Чарльза Первого. Владимов подробно расспрашивал о Гражданской войне, бушевавшей в семнадцатом веке в Великобритании. Рассказ о том, что король пришел на свою казнь пешком через парк Святого Джеймса, очень впечатлил Георгия Николаевича. Через здание и площадь Конной Гвардии мы прошли в этот прелестный парк, где на островке посреди озера стояли два пеликана. По озеру плавало множество уток и лебедей. Попрошайки-гуси вытягивали шеи навстречу. Когда мы вышли к Букингемскому дворцу, к Георгию Николаевичу подошли три черные фигурки — одетые в паранджу женщины. Только яркие черные глаза видны были в прорезях на

лице. Он не понял, что они просили, и повернулся ко мне. Кивнув, я взяла у одной из них фотоаппарат — они хотели сфотографироваться на фоне дворца. Я дважды щелкнула фотоаппаратом, и, очень довольные, они поблагодарили и удалились. Глядя вслед их хрупким спинкам в развевающихся черных одеждах, Георгий Николаевич сказал: *«В чем смысл такой фотографии?»*.

На следующий день мы должны были поехать «на утку» к Игорю Голомштоку, с которым нас связывала нежная дружба. Георгий Николаевич много слышал о нем и был рад познакомиться. Я обещала привезти закуски. Однако на следующее утро позвонил удрученный Голомшток: уток в окрестных магазинах не было, а жареная утка была его единственным коронным блюдом. *«Приезжайте к нам, я что-нибудь приготовлю»*, — предложила я. *«Но, Светлана, как же, я хотел вас всех уткой угостить...?!»* — сокрушался Игорь. Я стала его утешать: *«Вчера мы с Георгием Николаевичем видели в парке очень много маленьких утят с молодыми мамашами. Уток зрелого возраста мы с вами всех съели, а утиная малышня еще не выросла»*. И тут я впервые услышала, как Георгий Николаевич засмеялся, легким, недолгим, молодым смехом. У меня отлегло от сердца, я поняла, что он, действительно, отходит душевно. Мы чудесно посидели и выпили с Игорем, который был большим поклонником творчества Владимова. Они прекрасно сошлись, так что Игорь в дальнейшем участвовал в наших походах, особенно в пабы. Увидев, как Георгий Николаевич наслаждается гостями, я начала приглашать друзей, и следующие дни мы, как он выражался, «гудели». Георгий Николаевич начал говорить о том, что ему необыкновенно нравится Лондон и он бы очень хотел переехать сюда из Германии. *«Здесь есть какой-то творческий импульс, энергетика особая, писать хочется. Я такое чувствовал только в Ленинграде»*, — сказал он мне. Он стал живо интересоваться ценами лондонского жилья. Даже покупал газеты и рассматривал объявления, консультируясь с Арнольдом о разных районах. И попросил меня читать объявления, и, если вдруг что-то «проклюнется», немедленно сообщить ему. Но цены в Лондоне даже тогда были астрономическими.

* * *

Последующие месяцы он был очень занят. Еще зимой Георгий Николаевич рассказал мне, что у него неожиданно появился спонсор. Борис Эрленович Гольдман позвонил из Москвы и представился как большой поклонник его творчества. Оказывается, еще до отъезда Владимовых в эмиграцию он попросил его подписать ему экземпляр «Трех минут молчания». Борис Эрленович, бывший учитель литературы, ныне — владелец рекламного агентства, предложил субсидировать издание четырех томов произведений Владимова. Георгий Николаевич очень воодушевился. В нем ожило чувство читательской востребованности, и он с огромным энтузиазмом взялся за подготовку этого издания. Он ездил в Россию, интенсивно работал, у него опять появилась надежда на получение квартиры в Москве, хотя мечты о Лондоне он не оставлял. В конце октября, когда работа над изданием подходила к концу, к нему приехала дочь Марина, и они отправились в путешествие на машине по югу Франции и в Испанию.

В свой зимний приезд 1998 года он много рассказывая об этой поездке, вспоминая разные приключения. Он очень гордился Мариной и говорил, что она не только прекрасный врач, но у нее много литературных интересов, и она — *«...очень неплохо пишет»*. *«Отличный товарищ в путешествиях, — хвастался папа Владимов, —*

ориентируется в обстановке легко, реакции быстрые. Карту дорожную хорошо читает. —И добавил, грустно усмехнувшись:— *От Наташи моей, как вы себе хорошо представляете, в дороге толку не было никакого...*

Мы сходили в Национальную галерею, хотя мне уже было ясно, что исторические музеи интересовали его больше. Он спросил меня, кто мои три любимых «старых мастера», и я назвала Джотто, Тициана и Рембрандта: *«Вот их и покажите»*, — сказал мне Георгий Николаевич. Джотто он посмотрел, как мне показалось, внимательно, но без особого интереса. Реакция на Тициана была более оживленной, он сказал что-то о красоте синей краски, но его более всего интересовали мифологические сюжеты. И когда мы дошли до «Бахуса и Ариадны», он очень оживился, увидев отрубленную голову Минотавра: *«Я всегда думал: что означает этот монстр? Какое-то страшное загадочное существо, которое, значит, зачем-то создали боги?»*. Я сказала, что неожиданно вспомнила о Минотавре, когда видела отрывок репортажа суда над Чикатило, зверском садисте и серийном убийце детей, который, странно, как животное, мотая головой из стороны в сторону, сказал о себе: *«Ошибка природы произошла»*. Может быть, Минотавр — первая человеческая метафора непоправимой «ошибки природы», серийный убийца, живущий в подземном, черном мире своего кровавого кошмара, из которого он не в состоянии выйти? Георгий Николаевич выслушал внимательно, кивнул и вдруг сказал: *«Сталин – тоже был Минотавр»*.

На Рембрандта он отреагировал неожиданно сильно. Мы сели перед «Пиром Валтасара», и Георгий Николаевич, когда я напомнила сюжет, как-то погрузился в себя. Он попросил меня дважды повторить древние арамейские слова, светящиеся на картине *«мене, мене, текел, упарсин»*. И я помню, как привела ему всегда волновавшие меня слова из «Книги пророка Даниила»: *«Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким. Мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему. В ту ночь Валтасар, царь халдейский был убит»*, — неполно и перепутав порядок.

Глубина рембрандтовских картин и поразительные лица на портретах великого художника произвели на него сильнейшее впечатление. *«Я вас понимаю»*, — сказал он мне и по дороге домой расспрашивал о жизни Рембрандта, решив, что хочет почитать о нем. Я пообещала, что следующий раз мы поедем в Кенвуд — дворец-музей в заповеднике посреди Лондона, где висит прекрасный автопортрет старого мастера. Я вообще заметила, что больше всего Владимова трогали в картинах лица и портреты.

На следующий день была солнечная погода, и мы на пароходике поплыли по Темзе в Гринвич. Вид Лондона и окрестностей с реки понравился Георгию Николаевичу чрезвычайно. И он пришел в полный восторг от Морской академии, напоминающей петербургское Адмиралтейство. После часового плавания мы сошли на берег, где возле пристани стоял «Катти Сарк» — корабль, перевозивший в XVIII веке чай из Индии. Музей внутри был сделан так, чтобы показать настоящую корабельную жизнь тех времен. На маленьких нарах спали «матросы», причем одеяла над ними ровно вздымались, имитируя дыхание. Георгий Николаевич попал в свою стихию. Я должна была перевести все надписи и выслушать массу объяснений об устройстве мачт, канатов и так далее. Мы провели там более двух часа, Владимов — в огромном оживлении. Наконец, с трещащей от услышанных сведений головой, мне удалось увести его из трюмов. Мы начали подъем к обсерватории, и я впервые увидела, насколько у него большое сердце. Первый его инфаркт случился еще в России после одного из обысков, проведенных КГБ. Идти на холм ему было очень тяжело, мы

по минутно останавливались. Я очень волновалась и жалела, что предложила дойти до обсерватории. Но когда мы, наконец, поднялись, он, отдохнув на скамейке перед великолепной панорамой Лондона, с наслаждением рассматривал удивительной красоты старинные корабельные приборы, а потом, выйдя на улицу, долго и с удовольствием переминался с ноги на ногу по линии Первого меридиана, разделяющего Запад и Восток.

Под конец мы все-таки съездили «на утку» к Голомштокам. Флора расстаралась и приготовила чудесные закуски, а мы привезли водку. Мужчины, впрочем, начав с аперитива, угостились виски. Все были в прекрасном настроении. Мы с Игорем вспоминали песни Галича, которого он обожал, и, порядочно выпив, они пели с Владимовым военные советские песни, а Флора мелодичным полудетским голоском дважды лихо спела под конец какую-то не вполне приличную песенку своих экспедиционных времен, начинавшуюся словами «Эх, Сюзанна!». Мы вызвали такси, и Георгий Николаевич, к удовольствию афганца-таксиста, немного понимавшего по-русски, продолжал негромко распевать всю дорогу.

Наутро Георгий Николаевич спросил меня, можно ли купить в Лондоне комнату или угол.

Перед его отъездом я дала ему список вопросов, попросив, чтобы он постепенно отвечал на них и посылал мне в письмах.

* * *

Печатание четырехтомника подходило к завершению. Георгий Николаевич позвонил и сказал, что Гольдман предложил ему оплатить билеты и визы заграничных друзей, желающих приехать на презентацию. Дело было в июне, Арнольд должен был поехать в Глазго, где он был внешним экзаменатором в университете, и отменить или передвинуть эту обязанность было невозможно. А я с радостью поехала, прилетев накануне грядущего события.

Утром я позвонила Георгию Николаевичу и спросила адрес, по которому состоится презентация. Он сразу пригласил меня прийти в гостиницу, сказав, что мы поедем вместе.

В его номере я впервые увидела его очень красивую дочь Марину. Сдержанная сила отца вылилась в ней в сгусток деятельной энергии, и мне было очень приятно видеть ее любовное отношение к Георгию Николаевичу и атмосферу родства, существовавшую между ними.

Вскоре пришел Борис Эрленович. Поздоровавшись, он заботливо спросил меня: «*Вы покушали?*». В нем была необыкновенная интимная уютность. Вместе с ним вошли два телохранителя, которые сразу задернули одну из штор на окне и быстро осмотрели комнату. Я почувствовала себя в кадре голливудского криминального фильма. Поинтересовавшись погодой в Лондоне и хорошо ли я долетела, Гольдман спросил меня: «*Сколько я вам должен?*». Я достала из сумочки квитанции. «*Что это?*» — он

смотрел на мои бумажки, как баран на новые ворота. Я объяснила: *«Квитанции за билет, за визу, посадочный талон...»*. Не дослушав, он разорвал их, бросил в урну и произнес: *«Сколько?»*. Я назвала сумму. Он достал кошелек и отсчитал. В комнату вошел его шофер: *«Сережа, ты покушал?»* — обратился к нему Борис Эрленович. Так как Сережа «покушал», мы могли ехать и отправились в сопровождении телохранителей в большом автомобиле с темными стеклами. Когда мы вошли в зал Малого Манежа, Борис Эрленович представил нас своей маме, маленькой и такой же уютной, как он сам. Поцеловав сына, она с упреком сказала своему мальчику, ворочавшему миллиардами и устроившему прием двум сотням людей: *«Боренька, ты опять пятно на костюм посадил. Как же ты так неосторожно?»*.

В зале было очень много народу: знакомые, как Владимир Войнович, Бенедикт Сарнов, Наталья Иванова, известные незнакомые Маргарита Терехова, Ролан Быков, Ирина Муравьева, и большая толпа, в которой я никого не знала. Георгий Николаевич и Борис Эрленович провели пресс-конференцию, с довольно бестолковыми, как мне показалось, вопросами плохо подготовленных журналистов. Выпивки, закуски, разговоры, и в конце все разошлись, и осталась небольшая группа людей. Мы сели вокруг стола. Я помню, как кто-то спросил маму Гольдмана: *«А каково это, быть матерью нового русского?»*. И она с глубокой искренностью, закрыв глаза, сказала: *«Очень страшно!»*.

Но в тот вечер мы очень приятно посидели, и Георгий Николаевич заволновался, как я поеду одна домой. Гольдман предложил вызвать такси, однако один из гостей вызвался меня проводить и помочь тащить два четырехтомника, которые я получила.

Русская литература обязана Борису Эрленовичу Гольдману изданием наиболее полного, отредактированного самим автором четырехтомника произведений Владимова. И тем, что он благородно и щедро возвратил любимому писателю живое чувство читательской любви и признания.

12 апреля 2004 года Гольдман был убит. На Ленинском проспекте столицы его машина задержалась около светофора, когда к ней подъехали с двух сторон мотоциклисты, один из которых, приподнявшись, положил на крышу бомбу. Взрыв был немедленный и такой силы, что не только убило всех сидевших в машине и обоих мотоциклистов, но и выбило окна в домах и была масса пострадавших прохожих. Я помню мое потрясение, когда я прочла об этом коротенькое сообщение в английской воскресной газете. И мне вспомнилась маленькая, закрывшая глаза от страха за сына женщина.

* * *

Георгий Николаевич позвонил, вернувшись в Нидернхаузен. Мы обсудили презентацию, поболтали о том о сем. Я пригласила его приехать, и он очень обрадовался. Договорились, что он выяснит насчет билета и позвонит. И тут я совершила ошибку.

Мы с Арнольдом — меломаны, и летом мы часто бываем на концертах в Royal Albert Hall, где проходит «Proms» – фестиваль классической музыки. Нам очень повезло. Дедушка одной из аспиранток Арнольда, обожавший классическую музыку и ставший богатым бизнесменом, купил для семьи ложу. В начале каждого сезона мы посылаем список концертов, которые хотели бы послушать, получая бесплатные билеты. Иногда нам дают все пять билетов, и мы приглашаем друзей. Покупаем вино, я готовлю на

всех бутербродики с семгой и огурцами, и мы пируем в «собственной ложе» в перерывах.

В тот год 21 августа 1998 года Филармонический оркестр ВВС исполнял Тринадцатую симфонию Шостаковича — «Бабий Яр» на стихи Евгения Евтушенко. Солистом был Сергей Лейферкус — великолепный баритон. Я немедленно в счастливом возбуждении рассказала Владимову об этом концерте, добавив, что он, разумеется, пойдет с нами. Я думала, что ему будет чрезвычайно интересно и приятно слушать великую музыку и пение на родном языке и с таким прекрасным исполнителем.

И тут дело застопорилось. Георгий Николаевич билета не брал, говорил мне о починке водопровода, о дороговизне билетов и еще что-то несообразное. Но когда я в третий раз упомянула концерт, он наконец сознался: «Да, вы знаете, я эту тяжелую музыку не очень-то...». Тут я сообразила, что именно делало цену обычно дешевых билетов от Франкфурта до Лондона недоступной, и предложила приехать после концерта. На следующий день Георгий Николаевич купил билет. Он прилетел 23 августа, неожиданно приземлившись в эпицентр нашей семейной трагедии.

Я встретила его в аэропорту, мы приехали домой и пили чай, собираясь после этого отправиться гулять по Лондону. Арнольд весь день отсутствовал, помогая младшей дочке устраиваться на новом месте жительства в городке недалеко от Лондона. Он должен был вернуться после девяти вечера к уже известному «ночному колпаку». Когда наше с Владимовым чаепитие подходило к концу, зазвонил телефон. Пенничка, моя старшая падчерица, взволнованно сообщила, что дедушка со вчерашнего вечера не отвечает на телефонные звонки, и она хочет поехать к нему. Я сразу сказала, что поеду с ней и, повесив трубку, объяснила Георгию Николаевичу, что мне, к сожалению, придется оставить его на несколько часов одного.

Мы очень дружили с родителями покойной жены Арнольда, Бетти и Патриком Синг-Хатчинсон. У Бетти был прелестный, веселый и очень жизнерадостный характер: она обожала хороший шоколад и каждое утро выпивала бокал шампанского, утверждая, что это очень полезно для ее больного сердца. Она была сиротой, но ее и двух сестер взял на воспитание богатый брат отца, владелец угольных копий на севере Англии. Бетти родителей не помнила, ей было два года, когда их не стало. Дядя дал всем трем девочкам подобающее времени и статусу образование, а потом и щедрое приданое. Они росли в большом красивом доме в центре Лондона. Рядом находился выстроенный в классическом стиле небольшой дворец с прекрасным садом, принадлежавший старинной английской аристократической семье Синг-Хатчинсон. У них было двое детей, отличавшихся необычайной красотой, сын Патрик и дочь Джоан.

Предками Патрика были морские офицеры, один из которых охранял Наполеона на острове Святой Елены. Синг-Хатчинсон служили в восточных колониях и участвовали во всех важных битвах империи, ведя свою родословную со времен Вильгельма Завоевателя. Те, кто не служил, были меценатами и художниками. Дом Синг-Хатчинсон был полон произведений искусства, картин и скульптур мастеров Ренессанса, барокко и импрессионистов, редчайшего фарфора, серебра и восточных ценностей.

Коллекция славила не только в Великобритании, но и за ее пределами. Патрик чрезвычайно увлекался историей искусства и окончил Королевскую Академию художеств по классу скульптуры, занимаясь у Альфреда Гилберта, автора скульптуры «Крылатого Эроса» на Пикадилли. Гилберт, очарованный красотой молодых Синг-Хатчинсон, создал их бюсты, отлив в бронзе прекрасное, чуть надменное лицо Патрика и редкую красоту пятнадцатилетней Джоан с двумя косичками. Впоследствии Патрик особенно увлекся фарфором, став крупнейшим в стране специалистом и экспертом по английскому фарфору. Отец умер довольно рано, мать занималась розами и каждый день рассылала подругам великолепные букеты цветов из своего сада.

В 1939 году во время одной из беспощадных немецких бомбардировок Лондона на дом Синг-Хатчинсон прямым попаданием упала бомба, навсегда разрушив его до невозможности восстановления. Патрик с Джоан собрали под обвалами и грудами камней уцелевшие остатки ценнейшей семейной коллекции. От Ренессанса осталась лишь одна карандашная копия потолка Сикстинской капеллы, исполненная учеником Микеланджело еще при жизни мастера. Остальное было уничтожено. То же случилось с барочной живописью. Импрессионистам повезло чуть больше. Мраморная скульптура погибла вся, как и большая часть фарфора и серебра.

После войны всем владельцам разрушенных домов, рыбацких домиков и дворцов выплатили одинаковую небольшую компенсацию. Никто не роптал: трагедия страшной войны, длившейся семь лет, уравнила всех и оставила разбомбленную страну без средств. Брат и сестра купили на эти деньги для матери небольшой домик с розовым садом в деревне.

Бетти и Патрик знали друг друга с младенчества, он был двумя годами старше. Они поженились и неразлучно прожили шестьдесят пять лет. В годовщину их свадьбы пришло поздравление от Елизаветы Второй, написанное рукой самой королевы. А через полтора месяца Бетти умерла.

После ее похорон прошла неделя до описываемого мной дня. Мы дважды заезжали к Патрику, и я послала ему интересную статью о картине Гольбейна-младшего «Послы». Патрик всегда был замкнутым человеком, а в последние годы совсем никуда не выходил, боясь оставить Бетти одну. Поэтому, когда он не ответил на звонок не только вечером, но и утром, Пенничка серьезно забеспокоилась, и ее тревога немедленно передалась мне.

Выслушав меня, Георгий Николаевич твердо заявил, что поедет с нами: «*Вы же не думаете, что я отпущу двух женщин одних в такой ситуации?*» Мы встретились на станции метро «Swiss Cottage» и молча пошли к дому Синг-Хатчинсон. Они жили в небольшой трехкомнатной квартирке. Мы позвонили снизу — ответа не было. Поднялись на лифте и позвонили в дверь. Наконец решили, что я войду первой: Патрик меня знал и, увидев, не испугался бы. Я вошла в квартиру, заглянула в пустую гостиную, прошла в спальню и увидела его на полу. Он лежал в синей пижаме, на белом отвороте карманчика — его инициалы, любовно вышитые Бетти синими нитками. Рядом стоял стакан с густым раствором разведенного снотворного и лежала записка, в которой он просил врачей не возвращать его к жизни. На столе было письмо — жить без Бетти он не хотел.

Я пошла за Пенничкой и Георгием Николаевичем. Вызвали «скорую помощь». Медики приехали через сорок минут, засвидетельствовали смерть и позвонили в полицию. Довольно быстро прибыли двое молодых полицейских, мужчина и женщина. Осмотрев квартиру, мужчина написал протокол, с любопытством посмотрев на Георгия Николаевича после моего объяснения о личности и профессии гостя. Меня поразили профессиональный такт и деликатность, с которыми полицейские с нами разговаривали. Вызвали полицейского врача, необходимого для освидетельствования в таких случаях. Мужчина-полицейский после этого ушел, сказав, что его коллега Хлоя останется с нами и будет организовывать все необходимое: *«Вам не надо ни о чем беспокоиться»*. Я тихонько переводила Георгию Николаевичу, и он слушал и смотрел на все с таким интенсивным «писательским» вниманием, которого я никогда не видела раньше на его лице. Врача пришлось ждать очень долго: он был где-то довольно далеко на месте преступления, а потом попал в пробку. Хлоя была в основном на кухне, время от времени принося нам воды или чая.

Все это время Георгий Николаевич передвигался по гостиной, молча и в изумлении рассматривая портреты предков, главным образом — морских офицеров. При взгляде на молодое великолепие их прекрасных лиц в голову приходила строка Окуджавы: *«Все они красавцы, все они таланты, все они поэты»*. В стеклянной витрине лежало позолоченное и в серебре, инкрустированное камнями оружие, кортики и пистолеты. Рядом стоял прекрасный застекленный шкаф, в котором хранились изделия восточного искусства из слоновой кости, драгоценных и полудрагоценных камней. Книжный шкаф, полный редчайших и ценнейших книг. Между шкафами и витринами висели карандашные рисунки Патрика, картины импрессионистов и британских художников начала века, на мраморной полке стояли бронзовые бюсты брата и сестры, и еще несколько небольших монашеских скульптур в бронзе, исполненных и подаренных Гилбертом любимому ученику. В коридоре был шкаф, где стояла первая английская фарфоровая статуэтка семнадцатого века: Иисус Христос с посохом — пастырь. Между входной дверью и шкафом на стене видел в раме вытканый цветами зеленоватый гобелен, которым покрывалась постель Наполеона на острове Святой Елены. Это были лишь остатки былой роскоши и сокровищ, но все это создавало впечатление маленького интимного музея.

Наконец, приехал врач. После внимательного осмотра, при котором присутствовала Хлоя, он составил свой протокол и пришел к нам в гостиную. Его голос был очень тихим и бережным. Он сказал, что, если это может быть утешением, — Патрик умер очень спокойно и легко, без всяких страданий или боли. По каким-то своим признакам он определил, что у Патрика было очень большое сердце, и смерть наступила быстро. Он простился с нами и ушел. Хлоя позвонила в морг. Вскоре приехали двое людей в черных костюмах и сделали свое дело очень корректно, быстро и профессионально. Патрика унесли. Было уже позже десяти часов вечера. Хлоя вызвала нам машину. Дверь за нами закрылась, и я покинула эту квартиру навсегда. Пенничка поехала к нам ночевать.

Мы были в состоянии крайней усталости. Приехав домой к ужасно обеспокоенному Арнольду, мы осознали, что никто из нас не ел весь день. Мы спустились в греческий ресторанчик, располагающийся в нашем доме. Есть не хотелось, мы все поковыряли что-то вилкой и вернулись домой.

Наутро приехала младшая дочка Дианочка. Следующие несколько дней девочки жили у нас и спали на диван-кровати в нашей гостиной (реминисценция моего детства), так как их комнату занимал Георгий Николаевич.

История с Патриком чрезвычайно поразила Владимова, недавно потерявшего любимую жену. Следующие дни он был в состоянии довольно возбужденном, каким я его раньше не видела, несколько раз в разговоре обращался к пережитому: *«Подумайте только, английский аристократ, покончивший с собой от любви!»* — повторял он мне. Присутствие девочек, говоривших с ним по-русски, и теплота жизни в семье были ему явно очень приятны. Он с готовностью ходил со мной в магазин за продуктами, чистил на всех картошку и умело резал лук. Я отчетливо и с болью ощутила, какой он, по сути, семейный человек, и как бесконечно тяжела и не подходит ему жизнь в одиночестве. Он опять говорил о том, как ему хочется переехать в Лондон. *«Может быть, — размышлял он, — мне попросить спонсора купить жилье в Лондоне?»*

Похороны Патрика должны были состояться через две недели. Георгию Николаевичу пора было возвращаться в Нидернхаузен: оплатить счета и прочитать корреспонденцию. Записать интервью нам не удалось ввиду всех обстоятельств, и мы договорились, что он приедет опять.

* * *

Он прилетел через несколько месяцев во время «недели чтения», когда студенты должны работать самостоятельно, и у меня не было занятий. Арнольд притащил из университета большой хороший магнитофон, и на следующее утро мы приступили к работе. Я беспокоилась, но оказалось, что Георгий Николаевич очень хорошо чувствовал себя перед микрофоном. Он охотно отвечал на мои вопросы, и было видно, что вспоминать ему приятно и интересно. Время от времени мы делали перерывы, пили чай, ходили на длинные прогулки, и, вернувшись, я старалась записать то, что он мне по дороге рассказал.

Вечерами у нас собирались друзья, и я помню вечер, когда вокруг стола сидели Игорь Голомшток с Флорой и писатель Зиновий Зиник со своей милой и чрезвычайно толковой женой Ниной. Голомшток и Зиник вместе работали на ВВС и прекрасно относились друг к другу. Поговорили о современной литературе, об издательствах, тиражах и планах каждого. В компании Георгий Николаевич был склонен скорее слушать, чем говорить. Зиновий с его острейшим и прелестным чувством юмора очень любил, по крайней мере, в нашем доме, играть роль «agent-provocateur». Окинув взглядом поле битвы, он моментально оценил пристрастия присутствующих и заговорил о Льве Николаевиче Толстом. Мы сразу поняли, почему. Игорь Наумович Голомшток — человек редкостного очарования и глубочайшего ума, с настоящими прорывами в гениальность, был в то же время, как говорят англичане, «opinionated» — обладателем неожиданных, сильных и иногда абсурдных «мнений». Например, он терпеть не мог Льва Николаевича Толстого. Его невероятно раздражало «морализаторство» классика, и к тому же он придерживался твердого убеждения, что Толстой — «плохо писал». Маленькую скидку получала только «Анна Каренина», за которой Игорь признавал некоторые литературные достоинства, но в целом — «плохой писатель». Эффект был полным. Георгий Николаевич потерял дар речи, глаза его сделались больше очков, которые он иногда надевал для чтения, и он только переспросил: «Толстой?!». «Толстой, Толстой!» — упрямо подтвердил Игорь.

Зиновий наслаждался, но долго почивать на лаврах не собирался. «*А кто, по-вашему, самый лучший писатель?*» — спросил он Игоря. «*Диккенс!*» — не раздумывая, ответил англофил Голомшток. С этим трудно было поспорить. «*Ну хорошо, — продолжал Зиновий, — а из русских?*» — «*Достоевский*». И тут Зиновий нашел ход, поставив вопрос так: «*А как вы думаете, кто лучше писатель, Достоевский или Агата Кристи?*». Тут мы все подскочили. «*Зиник, — произнес Игорь в изумлении, — ну что вы несете?*». — «*Почему? — невозмутимо пояснил Зиновий, — решает читатель. Кого больше читают, Достоевского или Агату Кристи? Агату Кристи читают несравнимо больше, значит, она — лучше писатель!*». Шум поднялся невообразимый. Все, включая Георгия Николаевича и даже Арнольда, наперебой убеждали сохраняющего серьезный вид, но иногда все-таки хмыкающего Зиновия, что он не прав... Под конец он дал себя «убедить». Все это было очень смешно, весело и водки было выпито куда больше обычного...

Когда гости ушли, в кухне, где я ставила в машину посуду, неожиданно появился Георгий Николаевич. Усевшись на стул, он в теплом подпитии рассуждал: «*Нужно поговорить с Гольдманом и переезжать в Лондон. Удивительные вещи я тут узнаю. Короли на казнь пешком ходят, лебеди все — королевские, с Минотавром мы разобрались... А тут еще Толстой — “плохой писатель”, а Агата Кристи лучше Достоевского!* — И, помолчав, с легкой грустью добавил: — *А эта квартира вашего родственника, покрывало Наполеона с острова Святой Елены! Английский аристократ, погибший от любви — подумайте только...*». Это было далеко не последнее упоминание нашей драмы, которая оказала на него сильнейшее впечатление. Прощаясь на ночь, он неожиданно обнял меня и сказал с огромной теплотой: «*Спасибо вам, — и добавил: — Когда Лева Копелев был жив, мы с Наташей очень любили к ним ездить. Там был настоящий семейный дом, как у вас*». Я была очень рада, что ему хорошо с нами.

Несмотря на разногласия по поводу Толстого, Игорь и Георгий Николаевич очень тянулись друг к другу, и в последний вечер мы вместе ужинали на Стрэнде в пабе «Шерлок Холмс», в доме, где якобы жил бессмертный детектив.

* * *

Через несколько месяцев Владимов приехал к нам еще раз. За ужином он рассказал смешную историю. Георгий Николаевич очень увлекался всем, что связано с компьютерами. И купил себе программу перевода. И вот он запустил в программу целый роман «Генерал и его армия» и: «*...пошел чистить картошку. Пока она кипела, роман перевелся. Ну хорошо, — думаю, — английского-то я не знаю, как он там переведен? Я запустил перевод назад на русский. Пока обедал, перевод был готов. Я посмотрел и совершенно не понял, что это за текст...*».

Мы еще кое-что записали и составили «биографию в датах» — хронологию его жизни. Когда погода была хорошей, мы гуляли, сходили в Вестминстерское аббатство и Британский музей, где замечательная выставка ассирийских рельефов и греческие залы произвели на него очень большое впечатление.

Он рассказал, что начал писать автобиографическую трилогию. Каждая часть должна была концентрироваться вокруг одного из трех дней, которые «ломали» и на годы определяли его жизнь: поход к опальному Зоценко в 1946 году; отъезд в эмиграцию в

1983-м и суд с НТС 1987-м. Только первая неоконченная повесть о походе к Зощенко «Долог путь до Типперэри» опубликована уже после его смерти.

* * *

В конце 2000 года Георгий Николаевич сказал мне по телефону, что он женился на Евгении Алексеевне Сабельниковой, жившей в Германии в соседнем городке. Я искренне поздравила его. Я была очень рада, что он больше не один и есть кому о нем позаботиться. Они приехали следующей весной. У Жени в одном из частных лондонских университетов училась очень милая и воспитанная дочь, которая несколько раз приходила к нам на ужин.

Оказалось, что в тот год Британский Совет пригласил Владимова как лауреата российского Букера на ужин с английскими букеровскими лауреатами. Лауреатом 2001 года стал Питер Кэри⁸. Жюри долго колебалось между ним и Иэном Макьюэном⁹, опубликовавшим в тот же год замечательный роман «Искушение». Но прочтя «Истинную историю шайки Келли» Питера Кэри, я поняла выбор букеровского комитета.

«Я отказался», — объявил, к моему изумлению, Георгий Николаевич. «Но почему?» — «Да они там, наверное, все молодые писатели...». Я объяснила, что писатели весьма среднего возраста. «Понимаете, я спросил про Женю, а они сказали, что могут заказать нам номер на двоих, но дорогу ей нужно оплатить самой. Я подумал, что это как-то унижительно, и отказался».

У меня просто руки опустились. Дело в том, что Георгий Николаевич очень хотел, чтобы его роман «Генерал и его армия» был переведен на английский язык и издан. По его поручению я звонила двум агентам, которые занимались раньше изданием его книг. По резкости и категоричности их отказа при имени Владимова я поняла, что в прошлом была какая-то неприятная история. Я предполагаю, что дело было в том, что права на издание его романов на Западе были у «Посева», издательства НТС. После разрыва с НТС Владимов потребовал возвращения ему издательских прав, написав письма в печатавшие ранее его книги западные издательства. Поэтому его агенты могли столкнуться с какими-то осложнениями или неприятностями.

Присутствие на таком ужине с лауреатами было бы замечено и прессой, и переводчиками, и издателями. Я до сих пор сожалею об этом упущенном шансе.

В этот приезд Георгий Николаевич и Женя много гуляли сами, и я провела с ним меньше времени. Я показала ему напечатанную расшифровку интервью — более сотни страниц компьютерного текста. Пробежав его, он сказал: *«В таком виде это печатать никак нельзя. Обработайте и напишите биографию».* Мы проверили и дополнили «биографию в датах».

Они уехали через несколько дней, и это была наша последняя встреча.

* * *

Думая, что он не один, я не так беспокоилась о нем и звонила реже. Постепенно выяснилось, что он много времени проводит в своей квартире: «*Я тут читаю, работаю*», — объяснил он мне. Он иногда уезжал и подолгу жил в Переделкино, где у него, наконец, появилось жилье от Литфонда.

Георгий Николаевич говорил мне, что у него проблемы со здоровьем, что он лечится, но не сказал, что был диагностирован рак. Однажды он позвонил попрощаться и сказал, что едет надолго в Переделкино. Договорились созвониться, когда вернется. На мое приглашение приехать к нам он сказал, что очень хотел бы. Я пожелала ему легкой дороги. «*А вам — счастливой жизни! И привет большой Арнольду и девочкам!*» — сказал он. Что-то больно кольнуло меня, но в трубке уже был отбой. Это был наш последний разговор. Он не доехал до Переделкино, потеряв сознание в дороге.

Георгий Николаевич Владимов умер в Германии 19 октября 2003 года.

* * *

После его смерти во мне осталось чувство вины, которое сопровождает смерть: не-договорила, не-до-звонила, не-до-расспрашивала, не-до-встречалась.

Я бесконечно благодарна судьбе, подарившей мне недолгую дружбу с большим, сильным, ярким и необыкновенно талантливым человеком. От природы его организм, боксера, лыжника, пловца, был очень крепким, и он, вероятно, не ушел бы так рано, если бы его жизнь не была переполнена столькими трудностями и испытаниями.

Думая о прекрасной, трагической и неустроенной судьбе Георгия Николаевича Владимова, я вспоминаю бодлеровского «Альбатроса» — мощную птицу, парящую на исполинских крыльях над волнами океана, чей высокий полет был оборван бессмысленно и слишком рано.

1 Зал Искусства (нем.).

2 Jean Tinguely (1925–1991) — швейцарский художник и скульптор, известный представитель направления метамеханики, или кибернетического искусства.

3 Ирена Брэжна (1950, Братислава) — швейцарская правозащитница, журналистка и писательница словацкого происхождения. Автор переведенной на русский язык книги «Неблагодарная чужестранка», Москва, 2014.

4 «Русские глазами Владимира Сычева», Paris, 1980.

5 “Schweizerische Beiträge zum XI. Internationalen Slavistenkongress in Bratislava, September 1993”, серия Slavica Helvetica, том 42, Peter Lang, Bern-Berlin-Frankfurt am Main-New York-Paris-Wien, стр. 41–57.

6 «Великая Утопия» (нем.).

7 Мой муж Арнольд МакМиллин — профессор русской литературы Высшей школы славяноведения и Восточной Европы Лондонского университета.

8 Peter Carey (1943, Australia), True History of the Kelly Gang, 2000, Australia. Русский перевод “Истинная история шайки Келли”, Москва, 2004.

9 Jan McEwan (1948, UK), Atonement, 2001, London. Русский перевод “Искупление”, Москва, 2004.